

Г.Померанц

Я понимаю возмущение Солженицына неожиданной, не разрешенной публикацией рукописи 1965–1968 гг. под названием «Евреи в СССР и в будущей России». Пиратское издание Сидорченко выставило то, что можно понять как эскиз «200 лет», но эскиз, написанный сгоряча, вызвавший встречную волну сопротивления у самого автора и поэтому отставленный. Сидорченко грубо нарушил авторское право. Но я не понимаю, почему Александр Исаевич попытался объявить текст как бы не существующим и не допускающим обсуждения. Что написано пером, не вырубишь топором. Скандальную исповедь Ставригина, изъятую из «Бесов» по требованию Каткова, сегодня прочел каждый русский интеллигент. И даже личное письмо Пушкина Вульффу, оскорбительное для памяти А.П.Керн, широко известно. Филология – беспощадная наука. Она не считается с запретами.

Тем не менее, я готов уважать волю автора и не комментировать текст публикации. Там нет ничего хитрого, будущие филологи сами разберутся. Но тут есть некоторые деликатные проблемы. Если Солженицын – хозяин своего текста, то и я хозяин отрывка из моего письма, которое он цитирует. И я свидетельствую, что это действительно обрывок моей мысли. Что он взят из моего письма 1967 г., с которым автор полемизирует в своем обычном стиле. Что Солженицын вряд ли показывал многим письмо в целом. Там было место, которое он всегда обходит: мое предложение разобраться в собственном подсознании и освободиться от комплекса застарелой обиды, от следов психологической травмы, пережитой не вымышленным Олегом Рождественским, а самим Саней Солженицыным в Ростове, в 1930 г. И я уже писал, что черновики письма были изъяты при обыске и никак помимо Солженицына мои письма и письма моей жены не могли попасть в руки Сидорченко.

И я также вправе заявить, что обрывок моей мысли вне контекста выглядит по меньшей мере странно, и пояснить, о чем шел разговор: как

писатель может избежать опасности оскорбить одних и растравить ненависть других. Шаламов нашел выход в изображении отрицательных героев без национальных примет. Булгаков придумал другой прием. Он рисует дураков и мерзавцев парами, подчеркивая эту парность сходством начальных букв фамилий: Шариков – Швондер, Берлиоз – Бездомный. Я советовал Солженицыну учесть опыт Булгакова. К сожалению, Солженицын, переходя от прототипа к художественному изображению, меняет национальность только в одну сторону и так же поступает в подборе фактов.

Приведу примеры. Лев Копелев, товарищ Солженицына по шарашке, рассказывал мне, что отчаянный парень, раскрывший, кто стучит, был еврей. Солженицын дает ему русский псевдоним. Валерий Каджая разглядел другой подобный пример. Солженицын, несколько раз говоря о руководителе известного лагерного восстания, в 3-м томе «Архипелага», ни разу не называет его фамилии; видимо, она для него неприятно звучала. Третий случай заметил я сам. Было такое позорное письмо, подписанное в 1953 году несколькими известными евреями. Солженицын в «200 годах» перечисляет фамилии подписавших; германский исследователь Люкс – фамилии отказавшихся подписать. Каждый нашел то, что искал (может быть – подсознательно).

Вторая проблема, требующая обсуждения – всенародные пристрастия, выступающие во многих сочинениях Солженицына: в «Круге первом», в «Архипелаге», в «200 годах», т.е. не только в рукописи 1965–1968 гг. Солженицын неоднократно ссылается на общее мнение. Мой фронтвой опыт позволяет раскрыть, как возникает очевидность предубеждений.